

5. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 27.
6. Делегатки // Советский крестьянин. 1949. № 9 (356). С. 3.
7. НАРБ. – Ф. 4-П. Оп. 49. Д. 23.
8. Аб сур'ёзных недахопах у рабоце сярод жанчын // Звезда. 1951. № 134 (8975). С. 2.
9. НАРБ. – Ф. 4-п. Оп. 49. Д. 49.

УДК 94(47).084.6

РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНОГО РУКОВОДСТВА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ ОБЛАСТИ

Т. И. Тарасенкова

*Государственный архив новейшей истории Смоленской области, ул. Ленина, 28, 214000,
г. Смоленск, tata-taraskenkova@yandex.ru*

Экономическая модернизация в Западной области предполагала техническое оснащение колхозов, их специализацию на развитии товарных отраслей, подготовку квалифицированных кадров. Модернизированное сельское хозяйство должно было стать базой для индустриального развития других регионов страны. Проблемы модернизации связаны с преобладанием политических решений над экономическими, отсутствием ресурсов для технического оснащения колхозов.

Ключевые слова: Западная область; 1929–1937 гг.; экономическая модернизация; коллективизация; подготовка кадров.

THE ROLE OF REGIONAL LEADERSHIP IN THE ECONOMIC MODERNIZATION OF THE WESTERN REGION

T. I. Taraskenkova

*State archives of modern history of the Smolensk region, Lenin Street, 28, 214000, Smolensk,
tata-taraskenkova@yandex.ru*

The modernization of the economy in the Western region assumed the technical equipment of collective farms, their specialization in the development of raw materials industries and the training of qualified personnel. The modernized agriculture was to become the basis for the industrial development of other regions of the country. The problems of modernization are associated with the predominance of political decisions over economic ones, the lack of resources for technical equipment of collective farms.

Keywords: Western region; 1929–1937; economic modernization; collectivization; personnel training.

Конец 1920-х – 1930-е гг. – период интенсивной экономической модернизации. Базовой характеристикой советской экономической модернизации являлась ведущая роль политической власти. Сложившаяся партийно-государственная система реализации власти обеспечивала коммунистической партии возможность формировать экономический курс развития

страны. Партийно-государственная верхушка руководства определяла также цели, задачи, содержание и темпы экономического переустройства.

Местные власти должны были воплощать в жизнь указания центрального руководства, учитывая экономические особенности региона. Конец 1920-х и 1930-е гг. стали временем, когда руководители Западной области были вынуждены сосредоточить главные усилия именно на решении экономических задач. На заседаниях партийных и советских коллегиальных органов рассматривались вопросы, связанные с хозяйственной жизнью региона. Это – работа промышленности и сельского хозяйства, транспорта, строительство, обеспечение топливом, торговля и другое.

Место Западной области в планах модернизационных преобразований страны областное руководство попыталось определить сразу, как возглавило регион. В 1929 г. в ЦК ВКП(б) была подготовлена записка с описанием экономического потенциала Западной области и перечислением мер помощи со стороны центра, необходимых для его реализации.

В сжатом виде возможности Западной области охарактеризованы во вступлении к основной части записки: «Выполнение генеральной линии партии по преобразованию СССР из страны аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную, связанное с форсированными темпами индустриализации народного хозяйства СССР и реализации в кратчайший срок контрольных наметок пятилетнего плана социалистического строительства, требует максимального напряжения естественно-производительных сил страны, способных удовлетворить сырьевые потребности развивающейся промышленности СССР и создать достаточные экспортные контингенты сырья в целях обеспечения пятилетнего плана соответствующими валютными фондами.

В аспекте указанных задач Западная область, обладающая сырьевой базой, большими пространствами бросовых и неудобных земель, запасами торфяных болотоценных ископаемых, при наличии важнейших ж/д магистралей, связывающих область с индустриальными центрами СССР (Москва–Ленинград) и Западной Европой, является далеко неиспользованным источником потенциальных ценностей, которые могут быть извлечены в результате социалистической реконструкции сельского хозяйства области и в ближайшие же годы направлены на дальнейшее развертывание индустриального строительства СССР» [1, л. 2].

Итак, основную задачу областное руководство видело в развитии сельского хозяйства, которое должно было стать базой для индустриального развития других регионов. Сельское хозяйство области должно было специализироваться на развитии товарных отраслей – льноводства, коноплеводства и животноводства. Все это было невозможно без «организации технической базы реконструкции» [1, л. 4] – создания машинно-тракторных

станций, обеспечения сложной техникой по переработке льна и конопли, снабжения минеральными удобрениями и сортовыми семенами.

В итоге планировалось, что к концу первой пятилетки область преодолет зерновой дефицит, а продукцию животноводства сможет экспортировать. Реализация этого плана требовала капитальных вложений, о выделении которых из центра и просило областное руководство. Из общей суммы необходимых финансовых средств, оцененных в 640,1 млн руб., доля местных средств должна была составить 40 %, доля государственных средств – 60 %.

В начале 1930 г. в Запобкоме ВКП(б) подводили первые итоги модернизации сельского хозяйства – коллективизация крестьянских хозяйств началась, а техника в область либо не поступала, либо завозилась не та, которую ожидали. Наркомзем располагал машинами, произведенными промышленностью для индивидуальных крестьянских хозяйств. Крупной сельхозтехники не хватало. Поэтому в 1929/30 хозяйственном году завезенный в Западную область сельхозинвентарь почти на 90 % состоял из одноконных плужков, конно-ручных молотилок, 7-рядных сошниковых сеялок вместо 11-, 13- и 17-рядных, мелких сепараторов, совершенно непригодных для использования в колхозах, совхозах, крупных маслодельных артелях [1, л. 38]. Например, из 6 185 молотилок, намеченных по контрольным цифрам Наркомзема для поставки в Западную область, конно-ручных насчитывалось 77,6 %, двух- и четырехконных – 19,4 %, полусложных и сложных – 3 % [1, л. 39]. Не менее плачевной была и ситуация с поставкой в область тракторов.

В том же 1929/30 хозяйственном году областное земельное управление через Запобком ВКП(б) направляло в Наркомзем РСФСР докладную записку с характеристикой потребности Западной области в этом виде техники. Согласно документу, в области имелось 242 трактора, а требовалось по примерным подсчетам еще 943 сельхозмашины. Понимая, что столько техники не будет выделено, облземуправление определило и минимальную цифру – 747 тракторов. Примечательным является заключение докладной записки, в котором облземуправление сообщает, что по имеющимся у него неофициальным сведениям, Наркомзем планирует выделить для Западной области только 82 трактора, или 11 % от минимальной потребности. «Если указанное распределение Наркомземом будет выполнено, то мероприятия по колхозному строительству в Западной области окажутся в большей своей мере сорванными не по вине самого населения» – подводили итог подписавшие документ заведующий облземуправлением и зам. зав. отделом сельского хозяйства Запобкома ВКП(б) [2, л. 77]. Областное руководство пыталось застраховаться от неприятностей, неизбежных в случае срыва сельскохозяйственных планов.

В июле 1932 г. в обращении в ЦК ВКП(б) отмечалось, что 58 районов Западной области из 91 просили обком снизить план посева озимых культур на 1932 г. Обком счел просьбы обоснованными, но так как решение вопроса не в его компетенции, он просит ЦК дать распоряжение о снижении для Западной области плановых заданий [3, л. 122]. Характерная для плановой экономики ситуация сложилась в начале 1933 г. В Наркомснаб СССР было послано сообщение, что план по заготовке молочных продуктов выполняется, но находится под угрозой срыва из-за отсутствия самого необходимого – фляг, сепараторов, молокомеров, даже пергамента для упаковки масла [4, л. 19].

1933 г. в Западной области выдался неурожайным из-за неблагоприятных климатических условий. В феврале 1934 г. местное руководство обратилось в ЦК ВКП(б) с просьбой снизить областной план по льнозаготовкам на 20 тыс. т. (с 83 до 63 тыс. т.) [5, л. 16]. Накануне весеннего сева стало очевидно, что в крестьянских хозяйствах зерна до нового урожая не хватает и возможна угроза голода. В связи с этим в мае 1934 г. было подготовлено сразу два письма: 15 мая – в ЦК ВКП(б) и СНК СССР, 16 мая – в Наркомснаб СССР. В первом письме содержалась просьба предоставить продсуду до нового урожая, во втором – увеличить снабжение области хлебом [5, л. 127–129; 7, л. 75].

Не только плохие урожаи являлись причинами, по которым область не всегда выполняла плановые задания. Миграция уменьшала численность трудоспособного населения, снижалось количество крестьянских хозяйств. В 1933 г. официально завербовались на работу в Москву, Ленинград, на Донбасс и выехали за пределы области 118 474 человека [5, л. 37]. С июля 1933 г. по февраль 1934 г. количество крестьянских хозяйств сократилось на 91 787 (8,1 %) [5, л. 43]. На середину марта 1934 г. около 280 тыс. отходников не вернулись в область, а закрепились в промышленных регионах. Из-за низкого урожая зерновых в 1933 г. происходило переселение колхозников и единоличников из Западной области на Украину [5, л. 35]¹. Число рабочих рук уменьшалось, а планы по заготовкам сельхозпродукции это не учитывали. На протяжении нескольких месяцев 1934 г. эта проблема неоднократно затрагивалась областным руководством в письмах в ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Оно просило сократить официальные планы вербовки и вывоза рабочей силы, а также списать планы поставок сельхозпродукции с выбывших и ликвидированных хозяйств [5, л. 35; 6, л. 206].

¹ Переселение на Украину было как плановым с заранее определенным для переезда числом хозяйств, так и стихийным, когда крестьяне уезжали по личной инициативе. Но прижиться на новом месте было трудно. К июню 1934 г. с Украины по разным причинам вернулось 600 колхозных семей из числа плановых переселенцев, причем почти все возвратившиеся остались совершенно без всего – без имущества и скота [5, л. 149].

Вторая половина 1930-х гг. также характеризовалась нестабильным хозяйственным развитием региона. Казалось, часть проблем могла быть решена после смены областного руководства в июне 1937 г. и последующего выделения Смоленской области из состава Западной в сентябре того же года. Ведь неслучайно одной из причин репрессирования прежних руководителей считались хозяйственные трудности, которые те не смогли преодолеть. Но новые работники оказывались в таком же положении, как и их предшественники. Возможностей как-то изменить экономическую ситуацию самостоятельно, у них не было. Поэтому они брали на вооружение уже известные методы руководства и способы общения с Москвой [8, л. 35–36].

Какие проблемы выявляют обращения регионального руководства в центр? Экономическая модернизация, которая в Западной области происходила в сельском хозяйстве, постоянно тормозилась. Нередко она сводилась только к образованию совхозов и коллективных хозяйств, которые постоянно испытывали административное давление с целью получения большего количества зерна, льна, мяса и молока – этой необходимой основы для развертывания индустриальной модернизации в других регионах страны. Торможение также происходило из-за ограниченных возможностей местного руководства предпринимать что-либо самостоятельно, и из-за отсутствия профессиональной квалификации и рационального понимания того, что необходимо для преодоления хозяйственных трудностей. Последнее было характерной особенностью руководства не только Западной, а затем Смоленской области, но и большинства региональных руководителей, занимавших высокие и ответственные посты по политическим мотивам, а не по профессиональной пригодности.

Не хватало квалифицированных работников и в районах области. В 1929–1930 гг. предполагалось начинать с ликвидации «колхозно-организационной, зоо- и агронеграмотности» [1, л. 57]. Планировалась организация областных, окружных и районных курсов по подготовке и переподготовке кадров по сельскому хозяйству. На областном уровне разработали программы курсов для руководителей крупных колхозов и районов сплошной коллективизации, инструкторов райсоюзов и льноконоплеводсоюзов, трактористов, землеустроителей, счетоводов, заведующих хуторами и директоров совхозов. Всего на областных курсах должны были пройти подготовку 1 298 чел., на окружных – 6 645 чел., на районных – 15 560 чел. [1, л. 9–11].

Система подготовки кадров продолжала функционировать и в последующие годы. К весне 1934 г. из 18 тыс. председателей колхозов прошли специальную подготовку и переподготовку 6 164 чел. (33 %). Из 32 тыс. бригадиров повысили квалификацию 14 980 чел. (46,8 %). В районных земотделах, МТС, агрохозучастках работало 774 агронома, 268 зоотехников, 119 ветеринаров [6, л. 98, 107]. Это небольшие цифры для Западной области и по

числу прошедших подготовку, и по количеству специалистов в сельском хозяйстве. К тому же специалисты тратили много времени на составление многочисленных сводок и отчетов, а между земельными участками, фермами, колхозами они передвигались пешком, так как не имели в своем распоряжении лошадей и велосипедов [6, л. 107]. Об этом было известно областному руководству. Но подобные факты были настолько распространенными, что обком просто констатировал их наряду с низкими зарплатами, плохим снабжением и отсутствием жилья, не пытаясь что-то изменить.

Итак, кадровое обеспечение модернизационных процессов руководителями и рядовыми квалифицированными работниками было недостаточным. Но, как и в ситуации с отсутствием достаточного количества машин и механизмов для эффективного развития сельского хозяйства, кадровая проблема тоже имела отчасти объективный характер. Массовая подготовка специалистов для промышленности и сельского хозяйства только начиналась. Поэтому этот элемент торможения экономической модернизации являлся временным.

Более глубокие проблемы модернизации связаны с эффективностью политического руководства. Нет оснований обвинять областное руководство в нежелании или неспособности предпринять все возможное для достижения максимальных результатов экономического развития региона. И дело не только в невысокой квалификации работников. Они действовали в рамках сложившегося механизма осуществления власти. Ход модернизации, в частности, модернизации сельского хозяйства в Западной области, мог быть только немного ускорен или ослаблен благодаря организаторским способностям руководителей. Но они – проводники политики центра на местах, именно центральная власть формировала стратегию модернизации, основываясь на принятых ею идеологических постулатах. Выбранная модель аграрной индустриализации также определялась в большей степени идеологией, а не экономикой.

Марксистская идеология являлась источником противоречивого отношения к крестьянству, когда в крестьянине-труженике видели чуждого власти собственника и пытались изменить его природу, заставляя работать в колхозах и используя методы внеэкономического принуждения к труду. Центральное руководство, создавая идеологические схемы, направляло экономическую модернизацию по строго заданному пути развития, исключая возможность вариативности процесса. Региональное руководство стремилось к достижению намеченных результатов любыми средствами, чем поставило в тяжелое положение основных сельхозпроизводителей – крестьян. В итоге последствия аграрной модернизации оказались неблагоприятными для дальнейшего развития сельского хозяйства региона.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (далее – ГАНИСО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 323.
2. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 324.
3. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1384.
4. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 185.
5. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 558.
6. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 559.
7. ГАНИСО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 577.
8. ГАНИСО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 141.

УДК 338.48

ТРАНСФАРМАЦЫЯ ТУРЫСТЫЧНЫХ ПЛЫНЯЎ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ ПАД УПЛЫВАМ ПАНДЭМІІ COVID-19

Д. У. Філіпчык

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, fdv91@mail.ru

У дадзеным артыкуле разгледжаны ўплыў пандэміі вірусу COVID-19 на колькасць уязных, выязных і унутраных турыстаў. Паказана дынаміка турыстычных плыняў у 2020–2022 гг. у параўнанні з 2019 г. Адзначаны ўплыў росту колькасці ўнутраных турыстаў на турыстычны прадукт.

Ключавыя словы: турыстычная плынь; міжнародны турызм; унутраны турызм; турыстычны прадукт; COVID-19.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПОТОКОВ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ ПОД ВЛИЯНИЕМ ПАНДЕМИИ COVID-19

Д. В. Филиппчик

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, fdv91@mail.ru

В данной статье рассматривается влияние пандемии вируса COVID-19 на количество въездных, выездных и внутренних туристов. Показана динамика туристических потоков в 2020–2022 гг. по сравнению с 2019 г. Отмечено влияние увеличения количества внутренних туристов на туристический продукт.

Ключевые слова: турпоток; международный туризм; внутренний туризм; туристический продукт; COVID-19.